

полный курс в мае 1814 г, он «получил аттестат (10.12.1815), в котором назван студентом» (с. 167).

⁹ Подобным образом составлены справки о А.А. Владиславлеве (с. 57), Е.Н. и Н.Н. Воронцовых-Вельяминовых (с. 61–62), В.А. Карцеве (с. 124), А.М. Крицком (с. 143), М.А., Н.А. и П.А. Кудрявых (с. 148), А.А. Орлове (с. 203), М.Г. Осташеве (с. 205).

¹⁰ См. аналогичные записи о В.Д. Болтине, согласно архивному делу зачисленном в

1814 г. (с. 36), М.К. Гульковском (с. 81–82), М.И. Дурново (с.96), Г.Ф. Савиче (с. 255).

¹¹ Причём его второе зачисление произошло не в 1815 г., как указано в словаре, а в 1814 г.

¹² В словаре указаны только архивные дела, но имя Н. Соколова встречается и в «Московских ведомостях» (1814. № 57).

¹³ При этом «Московские ведомости» дважды сообщали о производстве в студенты В. Беликова – в 1810 г. (№ 54) и в 1814 г. (№ 57; в словаре ошибочно указан № 56).

Ольга Ерохина

Рец. на: А.А. Орлов. «Школы для всех». Ланкастерская система обучения в России в первой четверти XIX века (1814–1826 гг.). М.: РИЦ МГГУ им. М.А. Шолохова, 2014. 200 с., ил.

Olga Erokhina

(Moscow State Pedagogical University, Russia)

Rec. ad op.: A.A. Orlov. «Shkoly dlia vseh». Lankasterskaia systema obucheniia v Rossii v pervoi chetverti XIX veka (1814–1826 gg.). Moscow, 2014

Во второй половине XVIII в. в мире значительно возросло могущество Англии, базировавшееся на её выдающихся достижениях в промышленной, сельскохозяйственной, научной и культурной сферах. Тогда многие европейские державы охватило увлечение «туманным Альбионом» (англomania) и в национальные культуры начали проникать «английские элементы». Не стала исключением и Российская империя: в конце XVIII – начале XIX в. усилился интерес дворянства ко всему английскому – быту, литературе, политическим учреждениям, экономическим теориям и т.д.

В начале XIX в. в России стал распространяться один из передовых английских методов образования – белл-ланкастерская система обучения, получившая своё название по имени Джозефа Ланкастера (Joseph Lancaster) – английского педагога, который бесплатно учил бедных детей в Англии, Латинской Америке, США и разработал одну из самых прогрессивных педагогических технологий. Чаще всего её именуют «системой взаимного обучения»,

поскольку с помощью взаимного наставления старшими школьниками младших она должна была способствовать быстрому распространению элементарных знаний в народной среде. И в России, где интерес к новациям в области образования возрос ещё в конце XVIII в., результаты применения ланкастерской системы оказались довольно успешными.

Тематическое многообразие публикаций последних лет свидетельствует о неослабевающем интересе отечественных исследователей к проблеме становления и развития системы образования в Российской империи. Среди изучаемых вопросов – не только деятельность церковно-приходских школ, реальных и ремесленных училищ, но и внедрение в стране ланкастерского метода обучения. Посвящённых ему научных работ до сегодняшнего дня вышло не так много, в их числе статьи последних лет доктора исторических наук, профессора кафедры зарубежной истории Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова А.А. Орлова¹.

В рецензируемой монографии этого автора, основанной на массе источников описательного и мемуарного характера, детально показан процесс организации, деятельности и постепенной ликвидации ланкастерского обучения в Российской империи. В первой главе «Причины создания ланкастерских школ в России (1814–1816 гг.)» Орлов охарактеризовал данный метод, обратив внимание читателей на тот факт, что инициатива его внедрения в стране принадлежала лично императору Александру I. Дело в том, что в период его правления возникла острая потребность быстро растущего государственного аппарата в квалифицированных чиновниках, а также появилось желание власти снять нараставшую в обществе социальную напряжённость (кроме того, организация ланкастерских школ, в сравнении с обычными училищами, первоначально привлекала своей дешевизной).

Во второй главе «Ланкастерские школы как часть политики либеральных реформ Александра I (1816–1821 гг.)» анализируется сложный процесс их открытия в России различными государственными и общественными организациями. Интерес к новому методу обучения, отметил автор, проявили представители образованных слоёв и аристократии, создавшие школы в Иркутске, Риге, Ревеле, Нижнем Новгороде, Астрахани и других городах; в 1819 г. было основано «Санкт-Петербургское вольное общество учреждения училищ по методу взаимного обучения». За короткое время в стране развернулось мощное ланкастерское движение, но уже в начале 1820-х гг. в обществе возникли сомнения относительно пользы новых школ, и их рост замедлился.

Третья глава «Распространение ланкастерского метода обучения в провинциях Российской империи: гомельская школа Я.И. Герда (1819–1821 гг.)» посвящена человеку, который сделал этот метод известным и более доступным для многих. Речь идёт об основателе знаменитой династии учёных Якове Ивановиче Герде (Джеймс Артур Хёрд), который в 1817 г. по приглашению секретаря русского посольства в Лондоне барона И.О. Штрэндмана приехал из Англии для организации ланкастерской школы в гомельском име-

нии бывшего министра иностранных дел гр. Н.П. Румянцева. Автор подчеркнул, что работа Герда оказалась настолько удачной, что ему вскоре поступили предложения об обучении солдат-новобранцев и устройстве ланкастерского училища в поместье Марьино (Курской губ.) кн. И.И. Барятинского. О высокой оценке деятельности Якова Ивановича свидетельствует разрешение Александра I на открытие ланкастерской школы для бедных мальчиков в Петербурге и зачисление самого учителя в число потомственных дворян (с. 39, 40).

В четвёртой главе «Ликвидация системы взаимного обучения в России (1821–1826 гг.): причины и последствия» рассказывается об изменении отношения российского самодержавия к белл-ланкастерскому методу. По заключению Орлова, в немалой степени этому способствовала «Семёновская история» – попытка бунта в лейб-гвардии Семёновском полку 16–18 октября 1820 г. Она показалась императору очень опасной, поскольку как раз в то время произошла революция в Неаполитанском королевстве. По предположению Александра I, европейские революционеры («карбонарии») хотели отвлечь его внимание от Неаполя, подготовив возмущение семёновцев в Петербурге. Средством влияния заговорщиков на солдат, а также на детей и юношество императору представлялись ланкастерские школы с их западной системой преподавания.

В феврале 1822 г., после ареста в Кишинёве майора В.Ф. Раевского, использовавшего при обучении солдат в дивизионной школе вместо печатных прописей письменные (официально не разрешённые), пропагандировавшие свободу, равенство и необходимость введения конституции, был нанесён очередной сильный удар по ланкастерским школам. А незадолго до смерти Александр I получил полную информацию о действиях и планах заговорщиков, использовавших в своей пропаганде систему взаимного обучения. Император, как отметил автор, был весьма разочарован, посчитав, что его либеральная политика поставила страну на грань катастрофы. В результате в Петербурге закрыли Учительский институт, запретили распространение таблиц и

пособий, подготовленных «Обществом учреждения училищ по методу взаимного обучения», а в 1825 г. ликвидировали и само общество.

Со второй четверти XIX в. система образования в России была взята под жёсткий контроль государства и церкви. По инициативе Николая I началось постепенное закрытие ланкастерских школ (автор указал, что официальной причиной этого объявлялись расходы на их устройство, более значительные по сравнению с обычными способами обучения). Под надзор полиции попали все иностранные учителя и воспитатели, которых обязали предъявлять свидетельства о благонадёжности. Орлов также подчеркнул, что, несмотря на эти меры, отдельные элементы системы взаимного обучения и ланкастерские школы сохранились в России вплоть до начала царствования Александра II. Кроме того, ссыльные декабристы способствовали созданию подобных школ в Сибири. Отчасти ланкастерскую методику использовал и Л.Н. Толстой в своей школе для крестьянских детей в Ясной Поляне (с. 58, 59).

Особо хочется отметить, что в книге представлены портреты видных английских и российских деятелей «системы взаимного обучения», учебные таблицы, схемы и планы школ, а также основательные примечания и приложение. Однако, оценивая работу Орлова, нельзя не отметить некоторые недостатки. Так, во введении отсутствует анализ отечественной и зарубежной историографии по исследуемой проблематике. Кроме того, думается, следовало посвятить отдельную главу проблеме организации и распространения

в Сибири ланкастерских школ декабристами, автор же ограничился лишь выводом об этом (с. 59). Также желательно было бы использовать материалы Центрального государственного архива города Москвы (при характеристике ланкастерских школ Московского учебного округа) и упомянутую в монографии книгу британского историка Дж. Данстана (об английской учительнице Саре Килхэм, в замужестве Биллер, открывшую ланкастерскую школу для девочек в Петербурге в 1821 г.)², уже изданную на русском языке³.

Эти замечания не снижают общей высокой оценки научного труда А.А. Орлова. Исследователь во многом заново открыл для современного читателя неизвестные страницы истории ланкастерской системы обучения – прогрессивной образовательной технологии начала XIX в.

Примечания

¹ Орлов А.А. Из истории реформирования народного образования в России в начале XIX в.: опыт введения ланкастерской системы обучения // Этнодиалоги. Научно-информационный альманах. 2012. № 4(41). С. 208–221; 2013. № 1(42). С. 150–168; *он же*. Ланкастерские школы в России в начале XIX в. // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Серия: Педагогика и психология. 2013. № 1. С. 11–20; № 2. С. 9–23.

² Dunstan J. Sarah Biller of St. Petersburg, a Sheffield teacher in 19th century Russia. York, 2009.

³ Данстан Д. Сара Биллер. Английская учительница из Шеффилда в Петербурге XIX в. СПб., 2014.